

Обсудив вопрос о спутнике для сына, отец Чэнь посмотрел на своего четырнадцатилетнего мальчика, чьё лицо всё ещё сохраняло детскую наивность. Он взял за руку Чэнь Юя, на которой были следы кошачьих царапин, и с улыбкой сказал:

— Не в первый раз тебя царапает кошка, почему ты всё ещё такой ребёнок?

Чэнь Юй почувствовал лёгкую грусть. Казалось, любая кошка любила его царапать. Он вздохнул:

— Больше не буду их дразнить.

Отец поднял руку и погладил щёку сына. Улыбка на его лице постепенно исчезла, а в глазах появилась лёгкая тревога. Его движение замедлилось, и Чэнь Юй с недоумением поднял взгляд. Отец убрал руку и мягко сказал:

— Иди.

Чэнь Юй улыбнулся, ответил «Хорошо» и побежал из комнаты.

Видимо, после встречи с отцом его настроение улучшилось, и Чэнь Юй направился в южный двор, чтобы посмотреть на попугая Девятого господина Ханя. Хотя его старший брат Чэнь Фань был строгим, Девятый господин Хань был весёлым человеком и всегда относился к нему с теплотой.

Радостная фигура Чэнь Юя, выбегающего из дома, не ускользнула от взгляда Чэнь Дуаньли. Его нежность к сыну также не осталась незамеченной Си Ши. Си Ши, поправляя курильницу и меняя благовония, украдкой посмотрела на Чэнь Дуаньли, сидящего на кушетке, и подумала, как хорошо было бы, если бы у неё был собственный ребёнок.

Говорят, мать Чэнь Юя не последовала за Чэнь Дуаньли, когда он вернулся в страну, и никогда не ступала на землю семьи Чэнь, но она имела статус второй жены. Ходили слухи, что мать Чэнь Юя умерла рано, но Чэнь Дуаньли, потеряв двух жён, так и не женился в третий раз.

Школа учителя Вэя была местом, где учились в основном дети богатых семей из западной части города. Его ученики были в возрасте от одиннадцати до семнадцати лет. В школе были утренние занятия, и ученики должны были рано вставать.

Рано утром Чэнь Юя разбудила Мо Юй, но он, укутавшись в одеяло, не хотел вставать. Мо Юй знала, как с этим справиться, и, откинув одеяло, хлопнула по кровати:

— Вставай, а то опоздаешь, и учитель отлупит тебя по заднице.

Чэнь Юй сел на кровати, обняв одеяло, и пробормотал:

— Учитель бьёт по рукам, это больнее, чем по заднице.

Мо Юй, никогда не учившаяся в школе, не обратила внимания на его поправку и занялась тем, чтобы помочь ему одеться. Год назад его будила Чэнь Ин, и она была куда грубее.

Чэнь Ин была сводной сестрой Чэнь Юя и в прошлом году вышла замуж.

Однажды зимой Чэнь Юй не хотел вставать, как бы его ни будили. Чэнь Ин открыла окна и двери, и холодный ветер проник в комнату, из-за чего Чэнь Юй простудился. Конечно, Чэнь Ин потом горько плакала от сожаления.

Вскоре Чэнь Юй уже сидел за столом, пил сладкий суп и ел печенье, чтобы немного перекусить. Его слуга Дун Вань, неся коробку с кистями и чернилами, прибежал за ним. Семья Дун Ваня служила в семье Чэнь много лет, и вся семья жила в их доме. С наступлением осени Дун Вань всегда одевался тепло, но сегодня, несмотря на хорошую погоду, его мать, как обычно, надела на него толстую одежду.

— Молодой господин, поторопитесь, скоро прозвенит колокол в школе!

Дун Вань, держа коробку с принадлежностями, нервно топтался на месте.

Чэнь Юй неторопливо вышел во двор, посмотрел на небо, вдохнул свежий воздух и, обернувшись к Дун Ваню, сказал:

— Возьми зонт.

Дун Вань округлил глаза:

— Солнце светит так ярко, дождя не будет!

— Иди и возьми.

Чэнь Юй настаивал. Он не мог объяснить, но знал, что дождь действительно начнётся в полдень.

Дун Ваню пришлось побежать за зонтом. Он служил Чэнь Юю уже два года и видел некоторые странные вещи, связанные с ним, но был простодушным и не придавал этому значения.

Хозяин и слуга поспешили в школу. Ученики, увидев, что Дун Вань несёт зонт, стали смеяться над ним, говоря, что он собирается прятаться от солнца. На улице ярко светило солнце, и Дун Вань, обиженный, не хотел говорить, присел у входа.

Но к полудню, когда занятия закончились, действительно пошёл дождь. Дождь лил как из ведра, и Дун Вань, радостно открыв зонт, с гордостью сказал:

— Мой господин предсказал дождь, и он действительно пошёл!

Братья Цинь, стоявшие у входа, были в замешательстве из-за дождя, и Цинь Да насмешливо сказал:

— Он сын русалки, конечно, он может предсказывать, как нечисть.

— Я расскажу старшему брату, ждите!

Дун Вань ненавидел, когда так говорили о Чэнь Юе, потому что тогда он становился слугой нечистого.

Старший брат Чэнь Юя, Чэнь Фань, также не любил, когда люди распускали слухи о том, что у него есть брат, рождённый русалкой, так как он был высоким и внушительным человеком, и братья Цинь его боялись.

Цинь Эр холодно фыркнул:

— Собачий слуга.

Чэнь Юй не обратил внимания на братьев Цинь и позвал Дун Ваня:

— Пойдём.

Он провёл детство в другой стране и вернулся с отцом только в семь лет. Возможно, из-за того, что его мать была иностранкой, и появились эти странные слухи.

Дун Вань высоко поднял бумажный зонт. Он был ниже Чэнь Юя, и его коренастая фигура выглядела неуклюжей. Они прошли некоторое расстояние, но из-за того, что Дун Вань не мог удержать зонт, плечо Чэнь Юя промокло. Он смирился и сказал:

— Дай мне зонт.

Он взял зонт у Дун Ваня и укрыл их обоих.

У входа в школу для императорского клана шёл дождь, и осенний дождь, хотя и редкий, всегда заставлял людей мёрзнуть. Чжао Юшэн шёл один под дождём, медленно и одиноко.

Дождь стекал по его бровям, капал с прямого носа, тек по чётко очерченным губам и собирался на подбородке, прежде чем упасть на одежду. Он промок до нитки, но не искал укрытия и не ускорял шаг.

Из дома учителя Хуана напротив школы выбежала служанка с зонтом и, промокнув под

дождём, протянула его Чжао Юшэну.

Чжао Юшэн, увидев её, на мгновение застыл и не взял зонт. Дождь смочил её волосы и улыбающееся лицо. Она была обычной служанкой, скромно одетой.

— Господин, возьмите зонт, не отвергайте доброту моей госпожи.

Девушка настойчиво повторяла, снова и снова протягивая зонт.

Чжао Юшэн, глядя на её улыбку, сделал шаг вперёд, но не взял зонт, а сказал:

— Я живу близко, он мне не нужен.

Дождь стучал по пурпурным цветам на высокой стене школы, и в туманной дымке они превратились в фиолетово-красное пятно. Девушка с зонтом побежала обратно в дом, поднялась по лестнице. На балконе второго этажа стояла изящная девушка, которая смотрела, как Чжао Юшэн уходит в дождь.

Место для верховой езды в школе для императорского клана находилось в лесистой местности на окраине города. Утром там собралось около десятка учеников. Чжао Дуаньхэ опоздал, он ехал на старой лошади, которая не отличалась силой. Он искал Чжао Юшэна в толпе, и это было нетрудно, так как Чжао Юшэн ехал на крепком, высоком рыжем коне, а сам он был высоким и стройным, выделяясь среди остальных.

Чжао Юшэн издали кивнул Чжао Дуаньхэ. На его поясе была плетень, утренний ветер развеивал полы его одежды, обнажая чёрные сапоги, и он выглядел весьма величественно.

Чжао Дуаньхэ слез с лошади и повёл её к толпе. Ему с трудом удалось найти Чжао Чжуаньде, который был скрыт за людьми и лошадьми. Чжао Чжуаньде ехал на местной низкорослой лошади, которая была быстрой в беге. Он был невысоким, с круглым лицом, и выглядел младше своих одноклассников.

— Дуаньхэ!

Чжао Чжуаньде, увидев его, энергично замахал рукой. Для него и стройный Чжао Дуаньхэ, и его медлительная лошадь были слишком знакомы.

Чжао Чжуаньде пошёл навстречу Чжао Дуаньхэ. Он услышал насмешки в толпе: лошадь Чжао Дуаньхэ стала объектом шуток Чжао Цзидао и его друзей. Чжао Цзидао и его компания из четырёх-пяти человек, все в роскошной одежде и на прекрасных лошадях, всегда вели себя высокомерно и грубо, издеваясь над простолюдинами на улицах и над теми, кто им не нравился, даже внутри их клана.

Кто-то сказал:

— Лучше бы вообще без лошади, это позор!

Другой добавил:

— Смешно, где он нашёл такую клячу?

Третий притворно сочувствовал:

— Его семья живёт на пособие для сирот, пять человек на пять мер риса в месяц. Говорят, они тайно продают шёлк, который им выдают в школе.

Чжао Чжуаньде, слыша это, всё больше раздражался и, обернувшись, резко сказал:

— Лучше, чем те, у кого в семье есть публичный дом, позорящий имя потомков императорского рода, зарабатывая грязные деньги!

Все они были потомками императорской семьи, и люди привыкли называть их «потомками императорского рода».

Чжао Цзидао, услышав это, нахмурился, и его приспешники тут же обратили свои насмешки на Чжао Чжуаньде, называя его «собакой-предателем Двора Муцзун». Хотя все они были потомками императорской семьи, переселившимися на юг, одни жили в Дворе Муцзун, а другие — за его пределами, и между ними возникла вражда.

Государству уже более трёхсот лет, и потомков императорской семьи было много, они расселились по всей стране. Цюаньчжоу, благодаря выгодам морской торговли, был процветающим городом, и первые переселенцы из императорской семьи поселились в Дворе Муцзун, а те, кто прибыл позже, жили за его пределами. Конечно, многие также переехали из переполненного Двора Муцзун, чтобы построить свои усадьбы.

Чжао Дуаньхэ успокоил его:

— Зачем обращать на них внимание?

Чжао Чжуаньде, всё ещё злой, спросил:

— Ты совсем не злишься? Они назвали меня собакой-предателем.

<http://bllate.org/book/15279/1348784>